

Цутимикадо. Усадьба Абэ-но Сэймэя

Полуденное солнце мягко согревало внешнюю галерею усадьбы Абэ-но Сэймэя на Цутимикадо. Хозяин дома и его верный друг Минамото-но Хиромаса сидели друг против друга на открытой веранде, неспешно потягивая вино.

— Сэймэй, зачем принцесса Мёки призвала тебя к себе на рассвете? — с беспокойством спросил Хиромаса. — Что-то стряслось?

— Ничего особенного, — небрежно отозвался Сэймэй, лениво вертя в пальцах сорванный бутон. — Предупредила, чтобы я поостерёгся её соученика, Юй-лана. Ну и угостила чаем, заваренным по обычаю Великой Тан.

— Чай Великой Тан? Должно быть, нечто совершенно диковинное? — Хиромаса подался вперёд.

— Надо признать, принцесса владеет этим искусством в совершенстве, — улыбнулся Сэймэй.

— Что?! Сама принцесса Мёки подносила тебе чай?! — так и подскочил Хиромаса.

— Именно так.

— И... больше она ничего тебе не говорила? — недовольно буркнул Хиромаса, пряча взгляд.

— А что именно тебя интересует, друг мой? — Сэймэй лукаво прищурился, вскинув бровь. — Чего, по-твоему, принцессе следовало от меня хотеть?

— Да так... ничего, — пробормотал тот, чувствуя, как уши заливают густая краска.

Хозяин усадьбы тихо рассмеялся и снова перевёл взгляд на цветок.

— И чего ты так уставился на этот цветок, Сэймэй? Обычный выюнок, у нас тут такого добра пруд пруди. Ничего в нём нет примечательного.

— Этот — из сада Временного дворца принцессы Тан.

— А, так это подарок принцессы... Ну тогда всё понятно, — проворчал Хиромаса, обиженно поджав губы.

Сэймэй взглянул на друга и лишь укоризненно покачал головой.

— Хиромаса, ты ведь заметил срезанные бутоны у беседки Гнездящегося Феникса?

— Заметил, конечно. Их точно срубили чем-то очень острым.

— А теперь взгляни вот на этот. Видишь разницу?

Сэймэй протянул цветок гостю. Тот бережно взял его, покрутил в пальцах и пожал плечами:

— Сэймэй, этот стебель целый. Цветок будто сам упал от ветра.

— В том-то и дело, что нет, — мягко возразил он. — Его тоже срезали. Но рука мастера была столь искусна, что клинок скользнул точно по волокнам стебля, повторяя его природный изгиб. Цветок отделился без малейшего усилия, не оставив рваного следа. Невероятная техника владения мечом. Оружие скользит столь мягко, что способно отнять жизнь прежде, чем жертва вообще что-то почувствует.

— Неужели это опять кошачий дух?! — всполошился Хиромаса. — Неужели он пробрался во временный дворец? Вдруг принцесса Мёки в опасности?!

— Полно тебе, друг. Не стоит приписывать кошачьему духу всё подряд. Сдаётся мне, бутоны срезала сама принцесса Мёки. Похоже, наша гостя из Великой Тан куда опаснее, чем кажется на первый взгляд.

— Принцесса? Да быть того не может!

Сэймэй промолчал, лишь осушил свою чарку до дна.

— Ну так как тебе вино, Сэймэй? — спросил Хиромаса, меняя тему. — Это ведь сам Император пожаловал мне его из личных запасов. Я как получил кувшин, так сразу к тебе и припустил.

Сэймэй посмотрел на него со своей неизменной тёплой улыбкой.

Хиромаса тоже выпил, довольно зажмурился и глуповато заулыбался в ответ.

В этот момент к веранде бесшумно скользнула Мицумуси. Наклонившись к уху хозяина, она едва слышно зашептала.

— Свободна, — Сэймэй слегка махнул рукой.

— Что случилось? — любопытствовал Хиромаса.

— Да пустяки. Мои сикигами с моста Модорибаси вещают, что к нам гости.

— Кто же это?

Сэймэй не ответил, лишь загадочно прищурился. Хиромаса так и застыл с недоумённым видом.

— Дома ли господин Абэ-но Сэймэй? — донёлся звонкий голос из-за ворот.

— Дома. А вы кто будете? — Мицумуси поспешила встретить гостью.

— Я служанка из поместья принца Ли, что в Великой Тан. Повелением её высочества принцессы Мёки должна передать это господину Абэ-но Сэймёю.

В сад вошла девушка в нарядном китайском платье. В руках она бережно держала парчовый ларец.

— Благодарим за щедрость принцессы. Сюда, пожалуйста, — вежливо произнесла Мицумуси, указывая путь.

Сэймэй сидел на веранде, сохраняя идеальную осанку, и вежливо полуулыбался.

— Что это, Сэймэй? — шёпотом спросил заинтригованный Хиромаса.

Служанка молча поклонилась и протянула ларец хозяину дома.

— Открой, Мицумуси, — негромко приказал Сэймэй.

— Слушаюсь, господин. — Она переняла коробку и осторожно приподняла крышку.

Воздух тут же наполнился густым, удивительно тонким и пьянящим ароматом чая.

Внутри ларец был разделён на два яруса. На верхнем лежала изящная баночка с чайными листьями в окружении рассыпанных сладостей четырёх сортов, а внизу покоился драгоценный чайный прибор, искусно вырезанный из белоснежного хотанского нефрита.

— Передайте принцессе мою глубочайшую благодарность, — с улыбкой проговорил Сэймэй. — Увы, я мало смыслю в чайном искусстве. Мне куда ближе простая беседа за чаркой вина в кругу близких друзей.

— Ещё её высочество просила передать вам вот это, — гостя достала из рукава изящный

свиток из плотной бумаги. — Принцесса надеется, что господин Сэймэй соблаговолит оценить её новые стихи.

Сэймэй неторопливо развернул послание. На тонкой бумаге изысканной каллиграфией было начертано стихотворение:

Аромат нектара тонкий наполняет терем весь,

Лик за шёлковым рукавом прячет дева в хмеле здесь.

Зеркало винит напрасно — увядает красота,

Под ветрами на рассвете плачет ива у пруда.

Уплывают лепестки вслед за призрачной луной,

Отражение звёзд тоскует над озёрной глубиной.

Встречи ищет сиротливо дева с ясным днём впотьмах,

Только осень кружит песней на несбыточных путях.

— Её высочество упомянула, что господин Абэ-но Сэймэй без труда разглядит скрытый в этих строках смысл, — добавила служанка.

Сэймэй едва заметно и насмешливо усмехнулся.

— Что ж, её высочество переоценивает мои скромные дарования. Боюсь, я глух к утончённой поэзии Великой Тан. Вот если бы речь шла о наших японских вака... тут я, возможно, смог бы связать пару слов.

Он на мгновение задумался, а затем добавил:

— Но негоже оставлять столь изысканный дар без ответа. Мицумуси, принеси бумагу и тушь.

— Слушаюсь, господин.

Мицумуси принесла всё необходимое. Сэймэй легко коснулся кистью листа, выводя изящные знаки. Закончив, он аккуратно сложил бумагу в форме журавля и передал посланнице.

— Передай это принцессе Мёки. Пусть это будет моим скромным откликом на её высокое искусство.

— Будет исполнено, господин Сэймэй, — служанка низко поклонилась и покинула усадьбу.

Сэймэй прислонился к опорному столбу галереи и не спеша осушил чарку.

Хиромаса провожал взглядом уходящую девушку, на его лице отражалась напряжённая работа мысли.

— Сэймэй... ты... вы с принцессой Мёки... неужели между вами уже что-то... — запинаясь, начал он.

— «Что-то» — это что? — Сэймэй невинно захлопал глазами.

— Ну, она прислала тебе стихи! Когда женщина посылает мужчине стихи, это ведь... признание в чувствах, разве нет? — Хиромаса понурил голову.

— Глупый ты, Хиромаса. Это были не вака, а танские льюиши.

— Какая разница! Суть-то одна. Раз женщина пишет мужчине тайные послания, значит, она к нему неравнодушна. Да и ты ей ответил! Выходит, вы...

— И что же это выходит, а, Хиромаса? — Сэймэй улыбнулся своей самой вкрадчивой улыбкой.

— Сэймэй... я прошу тебя... не заводи интрижек с принцессой Мёки, — наконец выдавил из себя Хиромаса.

— Это ещё почему?

— Потому что... я... мне... — Хиромаса покраснел до самых корней волос.

— И что же тебе? Ну же, Хиромаса, почему ты вечно мнёшься, как красная девица? — поддразнил его Сэймэй.

— Да потому что этот её соученик, Юй-лан, опасен! Я боюсь, он причинит тебе вред! — выпалил тот.

— Ах, вот оно что. Тронут твоей заботой, друг мой. Но уверяю тебя, если мы с принцессой Мёки объединим усилия, то этот Юй-лан, будь он хоть самым кошачьим духом во плоти, не доставит нам хлопот, — в голосе Сэймэя проскользнули холодные нотки.

— Но... Сэймэй... — Хиромаса замялся.

— Что ещё?

— Я просто не хочу тебя потерять! И не хочу, чтобы ты уезжал в эту Великую Тан! Ты ведь обещал мне, обещал, что мы вместе будем оберегать Хэйан-кё! Настоящий мужчина не должен бросать слова на ветер!

Хиромаса выпалил это на одном дыхании, его лицо пылало от смущения и праведного гнева, а голос прозвучал неожиданно громко.

Сэймэй удивлённо моргнул, а затем его лицо приняло совершенно невинное выражение:

— Ах, так ты об этом... Ну, тогда можешь не беспокоиться. В своём стихотворении я вежливо, но твёрдо дал принцессе понять, что её чувства безответны. Она умна, всё поймёт с первого взгляда.

Хиромаса ошарашенно уставился на него, а затем в досаде прикусил губу.

«Ну что за невыносимый человек! Опять он меня разыграл... А я-то, дурак, наговорил ему с три короба!»

Сэймэй тем временем, пряча лукавые искорки в глазах, преспокойно потягивал вино.

— Сэймэй! Ах ты... — задохнулся от возмущения Хиромаса.

Сэймэй не выдержал и звонко рассмеялся, едва не согнувшись пополам.

— И прекрати хохотать! Слышишь? Ещё раз улыбнёшься — и я... я...

— И что же ты сделаешь? — сквозь смех выдавил Сэймэй.

— Я... — Хиромаса решительно поднялся со своего места, нависая над другом.

Договорить он не успел. В сад, запыхавшись, вбежал его верный слуга Тосихиро.

— Господин Тюдзё! — взмолился он, переводя дыхание. — Принцесса Фудзивара умоляет вас немедленно вернуться в поместье! К вам пожаловал ваш дядя, господин Фудзивара!

— Опять? — простонал Хиромаса, и всё его воинственное настроение мигом испарилось. — Ну

за что мне это... Он же зануднее матушки. Опять будет читать мне нотации до самого вечера.

Он нехотя поплёлся к выходу, волоча ноги.

— Ступай, ступай, — ласково улыбнулся Сэймэй. — Не стоит гневить матушку. Она и так вечно переживает за своего младшего сына.

— Я быстро, Сэймэй! Ты только никуда не уходи, договорились? Мы ещё не закончили наш разговор! — крикнул Хиромаса уже от ворот.

— Иди уже, господин Минамото третьего ранга, — добродушно хмыкнул Сэймэй.

Когда шаги Хиромасы затихли вдаль, Сэймэй тихо, едва слышно вздохнул.

Полуденный зной становился всё тяжелее. Сэймэй, прикрыв глаза, лениво дремал, прислонившись к опорному столбу галереи.

— Сэймэй, солнце нынче беспощадное. Так недолго и лихорадку подхватить, — внезапно раздался совсем рядом знакомый, глубокий голос.

— Старший брат Ясунори? — Сэймэй распахнул глаза и в изумлении уставился на нежданного гостя.

Перед ним, не отрывая пристального взгляда, стоял Камо-но Ясунори.

— Надо же, ты ещё помнишь, что у тебя есть старший брат, — с затаённой горечью проговорил тот, и в его глазах промелькнула тень искренней печали. — После кончины отца ты ни разу меня не навестил. Я уж грешным делом подумал, что ты напрочь позабыл о моём существовании.

— Столько лет прошло... — негромко произнес Сэймэй. — Когда не стало учителя, ты занял пост Тэнмон-хакасэ в Министерстве Инь-Ян, и мы всё же виделись время от времени. Но стоило тебе получить должность Гокураин-бэтто, как наши пути разошлись окончательно.

— Здесь слишком печёт, Сэймэй. Давай зайдём в дом, — предложил Ясунори и, не дожидаясь согласия, первым переступил порог.

Сэймэй промолчал, безмолвной тенью последовав за ним в прохладный полумрак комнат.

— Как ты поживаешь, Сэймэй? — спросил Ясунори, оглядывая скромное убранство.

— Не жалуюсь. Конечно, мне далеко до твоих карьерных высот, но пост Онмё-хакасэ не отнимает много времени. По крайней мере, я волен жить так, как мне нравится.

— Рад слышать. Сэймэй... ты всё так же проводишь дни напролёт в компании этого вельможи третьего ранга, Минамото-но Хиромасы?

— Старший брат, выбирай выражения, — Сэймэй нахмурился, и его голос заметно посуровел.
— Что значит «в компании»? Хиромаса — мой близкий друг.

— Ха! Друг? — Ясунори горько усмехнулся. — Сэймэй, не будь столь наивным. Я слишком хорошо знаю этих изнеженных аристократов. Человек из рода Минамото третьего ранга никогда не станет искать общества безродного полукровки просто так. У него наверняка есть свой скрытый умысел. Зачем ещё ему столь настойчиво крутиться возле тебя?

— Не смей оскорблять Хиромасу. Он чист душой и бескорыстен.

— Очнись насовсем, Сэймэй! В нашем мире нет места бескорыстной чистоте. Рано или поздно он потребует от тебя того, чего ты дать не сможешь, или воспользуется тобой ради собственной выгоды.

— Хватит, — ледяным тоном оборвал его Сэймэй. — Не нужно судить о людях по себе, старший брат.

Эти слова ударили наотмашь. Ясунори замер, в его глазах отразилась глубокая, почти детская обида.

— Что?.. Да... конечно. По себе...

Поняв, что зашёл слишком далеко, Сэймэй смягчился и виновато опустил глаза:

— Прости, брат. Я не должен был этого говорить.

— Пустяки. Что бы ты ни сказал, Сэймэй, я не стану держать на тебя обиду, — тихо ответил Ясунори, вздохнув. — Послушай... до меня дошли слухи, что ты сблизился с принцессой из Великой Тан. Говорят, сегодня на рассвете ты даже навещал её временный дворец?

— Да. Принцесса Мёки постигла суть истинного учения Сюаньмэнь. Она обладает выдающимися способностями.

— Сэймэй, ты обязан ухватиться за эту возможность! Подумай, какое величие сулит этот союз. Если ты женишься на ней, перед тобой откроются любые двери. Ты обретёшь истинное счастье и почёт, — в голосе Ясунори зазвучали умоляющие нотки.

— Благодарю за заботу, брат, но у меня нет ни малейшего желания связывать себя узами брака со знатной чужестранкой.

— Что?! Ты до сих пор гредишь иллюзиями? — вскричал Ясунори, теряя самообладание. — Неужели ты надеешься длить эти двусмысленные, нелепые отношения с господином Минамото? У вас нет и не может быть будущего! Рано или поздно, когда он пресытится этой игрой, он бросит тебя без тени сожаления. Он найдёт себе равную по положению знатную невесту и женится, как того требует долг крови! Сэймэй, неужели этот глупец стоит того, чтобы губить собственную жизнь?!

— Прекрати порочить имя моего друга! — Сэймэй в ярости сжал кулаки.

— О, как интересно... Наш утончённый, всегда безупречно холодный Сэймэй повысил голос? — Ясунори зло прищурился. — Значит, я попал в цель. Ты действительно питаешь к нему совсем не дружеские чувства. Ты полюбил мужчину, Сэймэй?

— Замолчи! Я не желаю выслушивать этот бред! Если бы не память о покойном учителе, клянусь, ты бы горько пожалел о каждой своей фразе!

Гнев окрасил бледное лицо Сэймэя лихорадочным румянцем, дыхание прерывалось.

В глазах Ясунори вспыхнуло безумное пламя. В один шаг он преодолел разделявшее их расстояние и, грубо схватив Сэймэя за плечи, рванул его к себе.

— Ну же, Сэймэй! Неужели ты готов поднять руку на брата, который заботился о тебе с самого детства? И всё ради этого аристократишки?! Что ж, бей! Если мне суждено погибнуть от твоей руки — пускай! Я приму смерть без единого вздоха сожаления. Ради тебя я готов отречься от всего мира, отдать саму жизнь! Неужели ты до сих пор этого не понял?!

Сэймэй оказался зажат в его тисках, но на его лице не отразилось ни тени страха. Он смотрел на названного брата ледяным, пронизывающим взглядом.

— Отпусти меня, Ясунори. Твоё поведение переходит все границы приличия, — его голос звучал ровно и холодно, словно зимний ветер.

Ясунори медленно разжал пальцы и бессильно опустил голову.

— Прости, Сэймэй... Прости. Я сошёл с ума.

Он попытался вымученно улыбнуться, но лишь жалко задрожал.

— После смерти отца я остался в Министерстве Инь-Ян только ради того, чтобы приглядывать

за тобой, как он просил. Но вскоре я понял, что моё присутствие лишь тяготит тебя, что ты не желаешь меня видеть. Тогда я сделал всё, чтобы перевестись в Гокураин, лишь бы не портить тебе жизнь своим видом. Сейчас у меня есть всё: любящая жена, прекрасные дети, домашний очаг. И я искренне желаю тебе познать то же счастье. Я расспросил о принцессе Мёки — её семья имеет колоссальное влияние в Великой Тан, отец и братья наделены неограниченной властью. Став её мужем, ты обретёшь не только покой, но и небывалое величие. Ты сможешь вершить великие дела, Сэймэй...

— Благодарю тебя, брат. Я ценю твою заботу и знаю, что ты желаешь мне блага, — тихо ответил Сэймэй. — Но у меня свои представления о счастье. Я не ищу почестей и власти, мне дорога лишь моя свобода. К тому же, дело уже сделано. Некоторое время назад я отправил принцессе вака с вежливым отказом. Так что зятю императора Тан из меня не выйти.

— Сэймэй! Что ты наделал?! Зачем, глупец, зачем?!

Теряя последние остатки разума, Ясунори глухо взревел и, распахнув объятия, с силой прижал Сэймэя к себе, лишая возможности пошевелиться.

— Отпусти меня, Ясунори! С ума сошёл?! — Сэймэй попытался высвободиться, но хватка названного брата была железной, дыхание перехватило.

— Нет, Сэймэй! Пока ты не объяснишь мне причины своей глупости, я не выпущу тебя! — Ясунори посмотрел затуманенным от вожделения взглядом.

— Пусти, говорю! Иначе я применю силу! — Сэймэй отчаянно забился в его руках.

— Да, я безумен! И сошёл с ума очень давно — ещё в тот день, когда отец впервые привёл тебя в наш дом! И в этом виноват только ты! Зачем ты родился столь прекрасным?! Твоя красота — вот твоё истинное проклятие!

Он смотрел с дикой, пугающей страстью. Он сжимал объятия всё сильнее, словно пытаясь слиться с Сэймэем воедино.

— Что ты творишь?! Немедленно отпусти меня! — процедил Сэймэй.

— Открой мне своё сердце! Иначе я за себя не ручаюсь! — тяжело дыша, прохрипел Ясунори.

— Брат... неужели ты готов зайти так далеко?.. — Сэймэй замер, он с горечью прослезился от обиды и разочарования.

Этот взгляд, полный уязвимости и тихой укоризны, подействовал на Ясунори как ушат ледяной воды. Он вздрогнул, и его железная хватка невольно ослабла.

— Сэймэй, я...

— Ха-ха-ха! Какое упоительное зрелище! Сцены из столичных театров блекнут перед этим представлением! Посреди ясного дня названные братья предаются столь страстным объятиям... Ваша семейная привязанность поистине не знает границ!

— Кто здесь?! — взревел уязвлённый Ясунори, спешно разжимая руки и отступая на шаг.

В комнату неторопливой, вальяжной походкой вошёл юноша в белоснежных одеждах Великой Тан. Он лениво крутил в пальцах флейту из белого нефрита.

— А, это ты... Господин Юй-лан, — Сэймэй мгновенно вернул себе маску ледяного спокойствия.

— Он самый, — юноша окинул Сэймэя оценивающим взглядом, приторно и вызывающе усмехнувшись. — Прошу простить, если помешал вашему семейному уединению. Надеюсь, я не прервал ничего важного?

— Какими судьбами, господин Юй-лан? Неужели решили снова вызвать меня на поединок? — Сэймэй опустил взгляд и принялся невозмутимо разглаживать складки своей белоснежной каригины, помятой в потасовке с Ясунори.

— Меня интересует лишь одно: что ты сделал с Мёки? Когда я видел её четверть часа назад, она плакала. А ведь сегодня утром она встречалась только с тобой.

— Я лишь вежливо отклонил её притязания. Разве не этого вы столь страстно желали, господин Юй-лан? — ледяным тоном отозвался Сэймэй.

— Ах, вот оно что... Мёки с детства росла подобно нежному цветку, её оберегали от малейших невзгод, и она никогда не знала отказов. А тут явился какой-то островной колдун и заставил её плакать. Что ж, Абэ-но Сэймэй, ты действительно незаурядный человек, — Юй-лан продолжал ядовито улыбаться.

— Ты откуда вообще выискался, наглец?! Как смеешь пороть эту чушь в приличном доме?! — вмешался взбешённый Ясунори. — Нэкомата! Взять его! Разорви этого выскочку!

— Мяу-у-у! — из тёмного угла мгновенно метнулась крупная чёрная тень, целясь когтями прямо в лицо Юй-лану.

Китайский гость лишь мягко усмехнулся и бросил на зверя короткий взгляд.

Чёрный кот замер в воздухе, плавно опустился на пол и, позабыв о ярости, растянулся у ног Юй-лана, ласково лапаясь к его сапогам.

— Хороший зверь, — Юй-лан присел на корточки и почесал за ухом довольно замурчавшего кота. — Но негоже предавать хозяина, чьим сикигами ты являешься. Это дурной тон.

Нэкомата тихо замяукал, зажмурившись от удовольствия и всем видом выказывая преданность пришельцу.

— Нэкомата! Ты ошалел?! Что ты творишь?! Прими человеческий облик! Я приказал тебе разорвать его, а не тереться у его ног! — в бессильной ярости закричал Ясунори.

Сэймэй молча наблюдал за этой сценой, его взгляд стал задумчивым.

— Какая крикливая у тебя родня, Сэймэй. Он всегда так шумит? — лениво поинтересовался Юй-лан, поднимаясь на ноги.

— Обернись, брат! — резко крикнул Сэймэй.

Но было поздно. Флейта из белого нефрита в руке Юй-лана прочертила в воздухе стремительную дугу, и её кончик упёрся точно в грудь Ясунори.

"Пять богов сторон света, запечатайте эту плоть!"

Воздух вокруг Ясунори сгустился, превращаясь в невидимые оковы. Он застыл на месте, не в силах пошевелить даже пальцем, словно врос ногами в земляной пол.

— Юй-лан! Что ты делаешь?! Немедленно сними печать с моего брата! — потребовал Сэймэй.

— Я лишь хотел с глазу на глаз сказать кое-что прекрасному сыну белой лисицы, — вкрадчиво произнёс юноша, приблизив своё лицо к лицу Сэймэя. — Твоя красота — не твоя вина, это правда. Но играть чужими сердцами, прикрываясь этой красотой, — подло. Если из-за твоих слов с Мёки что-то случится, я лично призову тебя к ответу.

— Не нужно мне угрожать, господин Юй-лан. Принцесса Мёки прекрасна, как небесная дева, а я слишком ничтожен, чтобы претендовать на её благосклонность. На этом наш разговор окончен. Покиньте мой дом.

— Ах, Сэймэй... Почему вокруг тебя вечно вьются столь скучные и никчёмные люди? — Юй-лан бросил презрительный взгляд на застывшего изваянием Ясунори.

— Полагаю, к числу этих скучных и никчёмных особ вы относите и себя, господин Юй-лан? — парировал Сэймэй с тонкой, жалящей усмешкой.

Юй-лан пристально посмотрел на него, а затем весело рассмеялся:

— А ты остёр на язык. Скажи мне, великий онмёдзи, как по-твоему — не я ли тот самый кошачий дух, которого вы ищете?

— Пока я не увижу печать Бога Кошек, я не могу утверждать наверняка.

— Но если это окажется правдой, то согласно уговору мы станем названными братьями. И тогда... не стоит ли нам сделать наши отношения чуточку ближе?

С этими словами Юй-лан сделал шаг вперёд и нагло провёл прохладным кончиком флейты по щеке Сэймэя.

— Соблюдайте приличия, господин Юй-лан, — Сэймэй даже не шелохнулся, лишь взгляд его стал ещё холоднее.

— Что ж, не будем торопить события, впереди у нас уйма времени, — вздохнул Юй-лан. — Твой хваленый брат, может, и возглавляет школу Камо, но его искусство никуда не годится. Скука смертная. Надеюсь, ты окажешься куда более достойным соперником, Сэймэй. Ха-ха-ха!

Раскатисто хохоча, юноша развернулся и растаял в воздухе, словно его и не было.

Сэймэй облегчённо выдохнул. Его тонкие пальцы мгновенно сплелись в сложную защитную печать, а сам он зашептал слова очищения:

"Бог Деревя на Востоке, Бог Металла на Западе, Бог Огня на Юге, Бог Воды на Севере, Бог Земли в Центре — божества пяти сторон, вернитесь в свои обители, падите, оковы!"

В тот же миг невидимые путы, сковывавшие Ясунори, со звоном рассыпались прахом, и тот тяжело повалился на колени, судорожно хватая ртом воздух.

— Сэймэй... Это существо... Неужели он действительно кошачий дух из Обители кошачьих духов?! Его сила невероятна! — выдохнул поражённый Ясунори, поднимаясь с пола.

— Мне это неизвестно, брат. Пожалуйста, уходи. Я очень устал и хочу побыть один, — тихо ответил Сэймэй, не глядя на него.

Ясунори понурил голову, его лицо осунулось.

— Прости меня за всё, что произошло сегодня... Моё поведение было недопустимым. Я ухожу и больше никогда не потревожу твой покой. Прости, Сэймэй. Мне не следовало приходить.

Услышав искреннее раскаяние в его голосе, Сэймэй смягчился. Его тон вновь обрёл прежнюю мягкость:

— Не забывай учения нашего отца, старший брат. Не забрасывай искусство Инь-Ян. И помни: что бы ни случилось, в моей памяти ты навсегда останешься тем самым добрым братом, который оберегал меня в детстве.

— Спасибо тебе, Сэймэй... Я сберегу твои слова. Если тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, просто пошли за мной сикигами. Прощай... и, прошу, забудь о моих глупых словах.

— Я уже всё забыл, брат. Ступай с миром, — Сэймэй тепло улыбнулся ему на прощание.

Ясунори молча кивнул и медленно побрёл прочь. Его некогда могучая, широкая спина теперь казалась согбенной под грузом невидимых забот.

Сэймэй долго провожал его взглядом, пока силуэт брата не растворился за воротами усадьбы. Затем он вновь опустился на деревянный настил веранды, прислонился спиной к прохладному опорному столбу и медленно прикрыл глаза.

Лёгкий полуденный ветерок донёс из глубины сада тонкий аромат увядающих цветов. Он тихо вздохнул и погрузился в глубокий, безмятежный сон.

<http://bllate.org/book/20464/2131727>